

Ему беспрестанно надо было сдерживать воспитанный смутами дух дворянства: дворяне помнили еще то время, когда они жили в феодальных замках, независимые от королевской власти. Войны Лиги, в которых самое существование королевской власти делалось вопросом, укрепили еще более это направление умов. Правители областей часто забывали обязанность подданных, входили сами в сношения с иностранными державами, и французский престол часто бывал в опасности потерять лучшие области, готовые отделиться. Привыкшие к войнам дворяне скучали миром и искали искусственных развлечений: мы упоминали уже, что в течение 16-летнего царствования Генриха IV, считая со дня вступления его в Париж, во Франции погибло более 4 тысяч дворян на дуэлях. Противники никогда не бились один на один: они приводили с собой человек десять приятелей, которые в качестве секундантов дрались также, сами не зная за что. Генрих должен был прибегать к строгим мерам, чтобы удержать эту необузданность, и строгость эта доходила иногда до жестокости. Так, маршал Бирон, оказавший ему великие услуги, один из тех немногих католических офицеров, которые приступили к нему прямо по смерти Генриха III, считавшийся при этом личным его другом, подвергся смертной казни. В сущности он был ничем не хуже других своих современников и так же, как они, позволял себе смело выражаться насчет короля, грозя отпадением, вел переписку с герцогом Савойским, в чем можно было уличить всех тогдашних начальников областей. Генриху надо было показать пример, который отвратил бы других от подобных дел: Бирон подвернулся ему под руку, и он велел ему отрубить голову.

Если в каждый век данное направление обнаруживается в литературе и жизни так, что часто образ мысли великих политических деятелей высказывается в одном из великих писателей эпохи, то мы, конечно, можем объяснить характер Генриха из сочинений Michel Montaigne, в высшей степени остроумного и скептического писателя. Во всякую эпоху, когда общество разделяется на две стороны, фанатически между собой спорящие, является средняя, равнодушная партия, к которой, с одной стороны, принадлежат люди смелые, не связываемые крайними увлечениями, с другой — слабые, не способные ни к каким энергическим верованиям. Montaigne именно принадлежал к числу тех, которые равно оскорблены были и протестантским и католическим фанатизмом: но оскорбленный этими крайностями, он впал в совершенное равнодушие. На все горячие вопросы, раздававшиеся вокруг него, он отвечал однообразно и холодно *qu'en sais je?* * Таков был и Генрих IV. Он не вынес из обеих партий никакого религиозного убеждения: для него политическая необходимость была высшим законом, ей одной он подчинял все свои действия; во всем остальном он был совершенно равнодушен, и, может быть, это равнодушие короля слышалось чутко уху

* что знаю я? (франц.).